

Москва революционная

Мы не заметили, как прочно вошло в повседневный обиход слово «революция». Произошло это буквально за последнюю неделю.

Москва становится революционным городом – как это было в 1917 и в 1991 годах. Конечно, отличия более чем разительны.

«Москвоведение» провело сравнительный анализ революционной Москвы разных лет. Не обошли мы вниманием и протест 1968 года – революцией его назвать невозможно, но в истории протестного движения он оставил неизгладимый след.

Москва революционная — 1968

Александр Даниэль: «Дело в эстетической несовместимости сегодняшней молодежи с теми, кто стоит у власти»

Есть ли связь между московским протестом 1968, 1991 и 2011 годов? Есть ли у протестующих москвичей разных поколений общие заблуждения и ошибки? Как провинция может отнестись к полному иронии московскому протесту 2011 года? На вопросы редактора раздела «Москвоведение» Артура Соломонова ответил правозащитник Александр Даниэль, сын знаменитых диссидентов Ларисы Богораз и Юлия Даниэля.

— В 1968 году на Красную площадь вышли восемь человек, протестуя против вторжения войск в Чехословакию. Среди протестующих была и ваша мать, Лариса Богораз. Понятно, что нынешняя ситуация отличается от той практически по всем параметрам. И все же, есть ли какая-то генетическая связь между тем протестом и нынешним?

— Выход на Красную площадь с требованием вывести войска из Чехословакии - это был протест уже не политический. После советской интервенции в Чехословакию невозможно было жить так, как жили раньше.

21 августа разделило две эпохи. До 21 августа либеральное протестное движение было на подъеме: в 1966-1968 годах интеллигенция заговорила почти свободно. В начале года, после знаменитого «процесса четырех», поднялась очередная, и самая большая петиционная кампания – волна коллективных и индивидуальных писем. Большая, конечно, по тогдашним меркам, сейчас ее масштабы показались бы смешными – но это же был голос протеста после десятилетий полного молчания! И это были не только протесты по поводу приговора Мосгорсуда Гинзбургу, Галанскову и прочим: во многих текстах ставились уже более общие вопросы о политических преследованиях и о политических заключенных, о подавлении гражданских свобод. Чувствовалось дыхание 1968-го: Пражской весны, студенческих волнений в Польше, майской революции в Париже, общего протеста против консервативных элит во всем мире – и неважно под какими знаменами этот протест проходил. Было ощущение, что еще немного – и советское протестное движение превратится в реальную политическую оппозицию.

И все это закончилось в ночь на 21 августа: либеральная академическая профессура кинулась пить водку и говорить, что жить надоело, что перспектив никаких, что мы погрузились на самое дно нужника и никогда оттуда не выберемся... А восемь человек вышли на Красную площадь. Это был чисто экзистенциальный поступок: ясно же было, что после демонстрации войска никто ниоткуда не выведет.

Но оказалось, что деятельность правозащитников-диссидентов имела в конце концов очень важные практические последствия. Именно они отрефлексируют самую важную часть исторического опыта России в двадцатом столетии – опыт гуманитарных катастроф: революции и гражданской войны, «красного террора», коллективизации, Большого террора, Отечественной войны и так далее. И в годы перестройки это осмысление, эта рефлексия были предъявлены обществу, стране.

Мне кажется, что современные молодые ребята, может быть, туманно представляют себе эпоху террора

(поскольку массовое знание о ней невысоко), но через родителей, через культуру, через воздух они впитали ужас перед вторжением насилия в политическую жизнь. Этот ужас есть у всех. Может быть, даже у нынешних начальников. И в этом — заслуга тех людей, которые десятилетиями упорно писали об эпохе террора.

Но мотивации нынешних протестующих совсем другие, чем мотивации участников демонстрации 25 августа. То был акт отчаяния — а участники сегодняшних митингов ждут перемен, надеются на перемены, хотят добиться перемен.

— Можно ли говорить об одинаковых ошибках протестующих в диссидентскую эпоху и сейчас? Ведь у людей, которые критиковали советский строй, не оказалось ответов на вопрос — что делать, когда он рухнет? Нет ли схожей проблемы у нынешнего протеста?

Я бы не говорил в данном случае об ошибках. Это была, скорее, историческая неизбежность.

Диссиденты протестовали, главным образом, против политических преследований. Это естественно: режим гнобил людей за их взгляды и мнения. Это плохо? Это ужасно, и нельзя это молча терпеть, как нельзя было молча стерпеть танки, давящие «пражскую весну».

Но вот наступила перестройка, и режим внезапно перестал гнобить инакомыслящих. И отовсюду полезли другие проблемы, которые, конечно, были и раньше, но с помощью политических репрессий с ними как-то справлялись, или же цензура печати не давала возможности составить о них полное представление. Межнациональные отношения, экономические проблемы... Все это оказалось полной неожиданностью даже для властителей умов того времени. Они ведь тоже все предшествующие двадцать лет питались исключительно диссидентской мыслью. А диссиденты об этом писали и думали очень мало; мало кто пытался осмыслить и предугадать, что будет, когда страна станет свободной (возможно, просто потому, что в скорое наступление таких времен почти никто не верил).

Вот поэтому девяностые годы и получились такими провальными.

— Вы не видите сходства с нынешней ситуацией?

- Сейчас есть грамотные молодые люди, у которых, как мне кажется, есть свое видение будущего России. Не знаю, насколько их программы разработаны; может получиться, что это опять только лозунги, и ничего как следует не продумано. Но мне кажется, что сегодняшние интеллектуалы лучше подготовлены к работе ради перемен, чем реформаторы на рубеже восьмидесятых-девяностых. И население стало — не скажу, что более грамотным, но более продвинутым во многих отношениях. Двадцать-двадцать пять лет назад мы были совсем не готовы к переменам. Хотя очень их ждали.

«Партия Фейсбука и партия Вконтакте между собой умеют сговориться, в отличие от оппозиционных политиков»

Если сравнить нынешнюю протестующую Москву и Москву конца восьмидесятых — начала девяностых - какие вы видите отличия? И есть ли сходство?

Атмосфера митингов очень похожа. Она радостная, праздничная, в ней нет злобы. Значит, есть надежда, что все это мирно устаканится. Но есть и существенные различия — в первую очередь, в политической ситуации.

У демократической Москвы конца восьмидесятых и начала девяностых были вожди. Были лидеры, были нравственные авторитеты, были политические руководители. Сейчас ничего этого нет. Вот на Болотной выступали очень уважаемые мною люди - но их почти никто не слушал. Они себе говорили, а мы себе стояли.

Для той молодежи, которая собралась 10-го на Болотной, для тех, кто придет 24-го на проспект Сахарова, нет никаких партий, никаких политических движений. Есть только две партии — партия Фейсбука и партия Вконтакте. И они между собой умеют сговориться, в отличие от оппозиционных политиков (смеется).

И второе отличие — гораздо меньшая, чем тогда, адекватность власти. Все-таки в эпоху перестройки было встречное движение реформаторской партийной элиты и той преимущественно гуманитарной интеллигенции, которая возглавляла демократические силы. А сейчас — чудовищная неадекватность верхнего начальства. Это видно по их высказываниям. Ну зачем лишний раз говорить о прямой линии Путина с народом? Это же слезы.

«Руководители страны остаются в безвременье, а молодые ребята, которые пришли на Болотную — уже из него вынырнули»

- Кто они – новые протестующие москвичи? Чем они вас удивили, чем порадовали, чем, может быть, разочаровали?

- То, что вывело людей на Болотную, только условно можно назвать политическими эмоциями. Попытка изложить эти эмоции на традиционном политическом языке будет только сбивать с толку. Я думаю, что главную эмоцию ребят, которые пришли на Болотную, можно выразить простым словом «достало».

Многие мои коллеги и друзья упрекнули меня в легкомысленности, но на Болотной мне очень понравилось отсутствие звериной серьезности. Славный стеб, без злобы, без ненависти. Шарик с надписью «Меня надули». Лозунг: «No pasaran, no kruassan, no marzipan». Когда кто-то из выступающих начал скандировать – «Путина в отставку!», «Патрушева в отставку!», «Чурова в отставку!», группа ребят вдруг хором закричала «Иванова в отставку! Петрова в отставку! Сидорова в отставку!» (смеется) Это протест нового поколения, протест, артикулируемый на его языке. Эти ребята креативны в своем протесте. Они вообще креативны и талантливы. И мне кажется, они лучше нас разберутся, как жить в этой стране.

А власть по-прежнему пытается говорить с народом на прибалтийском языке. Вот Путин во время прямой линии с народом вроде работал на тех же шаблонах, на которых работал всегда – грубил, хамил. Но если раньше это принималось «на ура», сейчас он явно не попадает в атмосферу страны. Дело, как всегда, еще и в эстетической несовместимости сегодняшней молодежи с теми, кто сейчас стоит у власти. Может быть, в эстетической несовместимости в первую очередь.

Возвращаясь к московским митингам: мироощущение, возникшее в годы перестройки, которое постепенно уходило в течение девяностых и, казалось, совсем ушло в двухтысячные – вдруг возродилось на Болотной площади. Молодые москвичи почувствовали, что это их город, их страна, что от них что-то зависит.

Очень важную вещь сказал Александр Архангельский - про «возвращение исторического времени». У меня такие же ощущения были на Болотной. Те, кто жил во времена перестройки, помнят чувство возвращения исторического времени – оно возникло во второй половине восьмидесятых.

Была надежда, что мы теперь всегда останемся народом, живущим в истории. Но в середине девяностых - опять сорвались в безвременье. И вот теперь -новый поворот событий: руководители страны в этом безвременье остаются, а молодые ребята, которые пришли на Болотную – уже из него вынырнули.

«Между Москвой и провинцией может возникнуть непонимание»

- Мне кажется, такое полукарнавальное мироощущение, которое свойственно тем, кто митинговал на Болотной, вряд ли смогут разделить люди, живущие в провинции. Почему так много иронии? Почему борьба как будто бы невсамделишная? На эти вопросы вряд ли найдут ответы люди из нестоличных городов.

- Пожалуй, вы правы. Провинция вряд ли разделит ту легкость и праздничность, которую мы увидели 10 декабря в Москве. Все-таки Москва живет лучше, ей проще легко относиться к политике и политикам. А в нищих, ограбленных регионах вряд ли люди выйдут с шариками «Меня надули» или с плакатами «Чуров, спасибо, что смешной!».

У ребят с Болотной перспектива есть. Работу они себе найдут. А вот бюджетники из умирающих поселков - не найдут, рабочие с закрывающихся предприятий – не найдут. И это не способствует веселью и карнавалу.

- Не получится ли, что этот ироничный московский настрой будет воспринят провинцией почти как издевательство? И по причине тех же самых стилистических (или эстетических) разногласий возникнет раскол среди протестующих?

- Определенное непонимание действительно может возникнуть. Мне кажется, протестные настроения в регионах могут оказаться окрашенными в коммунистические и националистические цвета. И это, безусловно, проблема.

Поэтому Москве, когда – и если - дело дойдет до круглого стола между представителями протестующих и властью, важно не забыть про провинцию. Главное, все время держать в голове российскую провинцию.

- В чем, на ваш взгляд, отличие протестных настроений – в Москве и в провинции?

- На самом деле в провинции они сильнее. Имя нашего самого высокого начальника там в последние годы никто уже слышать не хочет: и в депрессивных, и в относительно успешных регионах. Восемь лет назад очень

многие были довольны, что на губернаторов накинута узду, что они перестали быть царьками-беспредельщиками. Но вот поработали московские проконсулы — и выяснилось, что жизнь стала еще хуже. Потому что «свои», хоть и воруют, но все-таки у них не три горла. А ставленники Москвы уже не воруют, а грабят дочиста! В губерниях ничего не остается, потому что все деньги забирает Москва, всей ликвидной продукцией распоряжается Москва, всю внешнеторговую активность подмяла под себя Москва. Все недовольны — и местные руководители, и население. И у этого недовольства один адресат: Путин.

- Как вы думаете, москвичи чувствуют свою ответственность за то, что происходит в стране?

- Не знаю, но кажется, что не очень. Сегодня любой оппозиционный лидер мог бы набрать в провинции огромный политический капитал на лозунге: «Вернем ограбленным регионам отнятые у них деньги» - но никому это даже в голову не приходит. Москва — это ведь тоже регион, у москвичей тоже свое региональное сознание. И то, о чем думают жители, например, Омской области, не очень понимают в Москве, и наоборот.

Но есть и общее: когда человека ставят, извините, на четыре точки, то это как в Омской области неприятно, так и в столице. А с выборами именно так произошло.

Но главная проблема сейчас — отсутствие видимых перспектив для переговоров оппозиции с властью. Во-первых, совершенно непонятно, готова ли власть к таким переговорам, понимает ли она, что рано или поздно ей придется сесть за круглый стол с оппозицией — и с не фиктивной, карманной, а с реальной оппозицией. А кто у нас верхнем эшелоне Ярузельский? И есть ли там свой Ярузельский? С другой стороны — а разве у нынешней политической оппозиции есть внятная повестка дня для таких переговоров, такая, чтобы она была ясна и очевидна нации? Ясно ведь, что на митинге такую повестку не разработаешь. Боюсь, что старые механизмы, к которым привыкли наши оппозиционеры — всякие там форумы, съезды и тому подобные псевдополитические игрища — для этого тоже не годятся.

Одна надежда: может, молодежь с Болотной сама что-нибудь придумает - не на площади, конечно, а в сетевом общении.

** Один из самых известных политических процессов против диссидентов Александра Гинзбурга, Юрия Галанкова, Алексея Добровольского и Веры Лашковой.*

Москва революционная — 1988–1991

Михаил Шнейдер, один из организаторов московских митингов в конце 1980-х — начале 1990-х и митингов на Чистых прудах и Болотной площади в 2011 году:

«Протестные настроения сейчас растут гораздо быстрее»

Первое и, пожалуй, главное отличие протестных выступлений 20-летней давности от нынешних — динамика нарастания их численности. В перестройку это был долгий процесс. Первый митинг в Москве прошел в 1988 году на углу Пушкинской площади, буквально на ступеньках здания «Известий». Тогда собрались человек 100–200.

И только на следующий год, в Зеленограде на встрече с Гдляном и Ивановым я впервые увидел море людей — около шестидесяти тысяч. Потом были знаменитые митинги в «Лужниках» на протяжении всего I съезда народных депутатов. Там численность долго держалась на уровне 80–100 тысяч.

И только в 1991 году на Манежную площадь стали выходить больше 100 тысяч человек. Доходило до того, что людьми была занята не только Манежная, но и Моховая улица почти до Большого каменного моста, и вся Тверская до Пушкинской площади. Плазменных экранов тогда, конечно, не было. Но мы развешивали динамики, и собравшиеся слышали все, что говорилось со сцены.

Сейчас мы увидели взрывной рост. На следующий день после выборов на Чистых прудах собрались, по нашим оценкам, 10 тысяч человек. Всего через пять дней на Болотную площадь вышли уже 100 тысяч — мы слышали эту цифру из раций полицейских, подтверждают ее и наши неофициальные источники в ГУВД. Не знаю, будет ли нарастать численность такими темпами и дальше, но уличные выступления не прекратятся. Пока что мы планируем январские акции — в 20-х числах, когда люди окончательно очнутся после новогодних праздников и будут снова готовы выйти на улицы.

В остальном же никакой разницы между событиями 1991 года и года 2011-го я не вижу. И тогда, и сейчас мы видим проснувшихся граждан, которые вышли отстаивать свои права. Еще одно общее свойство — драйв. Драйв, когда человек приходит и вдруг обнаруживает, что он не одинок, что кругом единомышленники, что у

них горят глаза.

Наконец, и в 1991-м, и сейчас на митингах присутствует какое-то удивительное чувство безопасности. Нас, организаторов, все время пугали и пугают провокациями, кровью, гапонами обзывают. Но вы же сами видите, в какой благожелательной атмосфере все происходит.

Записал Георгий Ильичев

Москва революционная — 1991

Петр Филиппов, *активист демократического движения:*

«Неизбежны социальные волнения»

Большинство людей, выходивших в Москве выражать недовольство в 1917 году, были выходцами из деревень, крестьяне, рабочие. Во время штурма Кремля, во время выступления на Красной Пресне людьми двигало желание «все поделить».

В 1991 году ситуация не изменилась. Ваучеры, приватизация — действия, от которых ожидается, что каждому достанется по кусочку. Сегодня эта черта — «отнять и разделить» — по крайней мере в Москве, отошла на задний план.

Люди, которые выходят сегодня, не делят, они хотят объявить о себе как о гражданах страны, о том, что они хотят честных выборов.

Москвичи, которые выходили в 90-е — другие, чем москвичи 2011 года. Особенно это касается нового поколения. У значительной части современных молодых людей естественной кажется возможность говорить, что думаешь, и читать, что хочешь.

Правда, у современных бастующих совсем нет четких задач, чего они требуют и чего они хотят.

Не надо быть Вангой, чтобы предсказать, что россияне ждут суровые тяготы. Неизбежны социальные волнения. В 90-е в Санкт-Петербурге процессы были гораздо активнее, чем в Москве. Был организован Ленинградский народный фронт, который имел четкие установки. Когда мы в Питере организовывали митинг, к спортивной арене пришли тысячи, не имея никаких социальных сетей. Люди раздавали миллион листовок с приглашением на митинг. Пятый канал показал репортаж о митинге, и народ воспрял. В Москве тоже увидели этот материал, и питерский митинг воодушевил москвичей.

Москва революционная — 1917

Владимир Булдаков, *доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН:*

«Такого количества обозленных активных людей, как в 1917 году, в нашем современном обществе нет»

Революция в начале прошлого века началась в Петрограде, который был тогда столицей. Это можно было объяснить высокой концентрацией пролетариата, именно там находилась огромная масса маргиналов. Москва в феврале 1917 года была не очень активна, но в октябре сильно изменилась. Гражданская война началась именно в Москве, так как здесь раскол общества был особенно сильным. В Петрограде большевики легко пришли к власти, а в Москве силы контрреволюции были мощнее, город противостоял большевикам целую неделю.

Сегодня Москва — сложнейший мегаполис с неопределенными границами, с очень разнородным населением. Однако даже в наши дни социальное напряжение в Москве невысокое по сравнению 1917 годом. Все же сейчас практически никакие слои общества не оказываются за бортом. Современная молодежь благополучна, о социальном взрыве говорить не приходится. Сегодня молодые сами не знают, чего хотят, недовольство очевидно, но альтернативной программы у них нет. Они скорее настроены мирно, в отличие от молодых бастующих начала прошлого века.

Для понимания характера революции важно учитывать демографический фактор. В 1917 году под ружьем оказалась самая активная, молодая часть населения. Но тогда население было молодым, демографический бум к тому времени еще не завершился. Сейчас витальность системы гораздо ниже. Такого количества обозленных активных людей, как в 1917 году, в нашем современном обществе нет.

Записала Анна Красноблодцева

Автор: Артур Скальский © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 9014 24.12.2011, 01:15 👍 842

URL: <https://babr24.com/?ADE=101058> Bytes: 19957 / 19631 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)